

АНАТОЛИЙ Дмитриевич Папанов принадлежит к тому кругу артистов театра и кино, который складывался на «Союзмультфильме» годами. Кто-то приходил к нам только на один фильм. Кто-то работал с нами постоянно. Я уже говорил, что наша отечественная мультипликация отличалась от западной тем, что в наших фильмах участвовали звезды театра и кино первой величины. Сейчас их всех иначе и не именovali бы, как великими. Это слово у нас тоже девальвировалось. А ведь когда-то даже к такому имени, как Василий Иванович Качалов, не принято было прибавлять «великий», «гениальный», как это делается сейчас. Он и без того был Качаловым. Как и Ливанов был Ливановым. Яншин — Яншиным. Папанов — Папановым.

С Анатолием Дмитриевичем Папановым я уже работал в прежних фильмах. Я видел, что ему любопытно все, что мы делаем и как мы делаем. Он привык, что во время записи за ним наблюдают художники-мультипликаторы, и знал, что его мимика, его жесты, походка — все это будет потом воспроизведено в рисованном персонаже.

Мне бы никогда и в голову не пришло расспрашивать Анатолия Дмитриевича, какими мотивами он руководствуется; когда дает согласие работать в том или ином фильме или, напротив, отказывается.

Да, конечно, даже нашим самым лучшим артистам приходилось подрабатывать. Их зарплата, даже в академических театрах, даже у народных и заслуженных, была невелика. И они любили приговаривать: тем и хорош «Союзмультфильм», что к вам на Каляевскую от любого театра руку подать.

Но посмотришь, как артист выкладывается у нас в студии звукозаписи, и все несущественное отлетает. В мультипликационном кино артиста привлекает выход за пределы человеческих возможностей. Смелость перевоплощения артиста. С рисованным персонажем можно проделывать все что угодно. Проработав в мультипликации всю жизнь, я теперь знаю, что никакая фантазия еще не исчерпала тех возможностей, которые дает мультипликационное кино и художнику-мультипликатору, и артисту.

Когда Папанов был у меня в

ти в роль». А у нас Папанов без всяких этих наружных изменений чудом перевоплощался. И это было действительно чудо, которым никогда не перестанешь восхищаться, сколько ни работай в мультипликационном кино с его рисованными чудесами. Ведь это чудо — живое, человеческое.

Но существовала одна деталь, неизменно повторявшаяся. Каждый раз, приходя на студию, Папанов, бывало, что-нибудь рассказывал. Какой-нибудь самый свежий анекдот. Сразу набегали охотники его послушать. Наверное, ему нужно было с нами проболтать. Услышать смех, настроиться...

Я не собираюсь сравнивать Змея Горыныча с Волком из «Ну, погоди!». Эти два персонажа принадлежат к совершенно разным мирам. Один — из сказки. Другой — из современного быта. Но, конечно, то, что у меня был опыт работы с Папановым в «Меже», способствовало возникновению между нами полного взаимопонимания, когда мы приступили к «Ну, погоди!».

За все эти годы Анатолий Дмитриевич «подвел» меня только один раз. Когда мы работали над 10-м выпуском с приключениями Волка и Зайца на стройке, Папанов был далеко от Москвы, на гастролях своего театра. В студии меня торопили (план!), так что пришлось обратиться к арти-

Вячеслав
КОТЁНОЧКИН

Ну, погоди!

жест. Россия - 1999 - 2 апр, 012

сту-имитатору Геннадию Дуднику, к тому самому, который в «Чудеснице» говорил с кавказским акцентом, пародируя Зельдина в роли пастуха из фильма «Свинарка и пастух».

ДУДНИК тем и был популярен на эстраде, что подражал голосам знаменитых артистов. Публика мгновенно догадывалась, кого он

ка. Согласно предлагаемому новому правописанию надо было впредь писать не «заяц», а «заец». По этому поводу шли бурные дискуссии в газетах. Вот эту реформу и высмеял Папанов. Как мне сейчас вспоминается, по-новому предлагалось писать многие слова. Но все вцепились именно в этого «заеца». На нем реформа и лопнула. У нас не принято давать длинноухого в обиду.

И вот еще импровизация Папанова. Мы записывали 7-ю серию.

тывать интервью, которые Анатолий Дмитриевич давал как главный Волк Советского Союза:

— Почему именно вам предложили роль Волка?

— Наверное, под руками никого больше не было.

— Первый ли это у вас Волк?

— Увы, нет. Я «многоволдец».

— Какие у вас были сложности при решении этого образа?

— Большая конкуренция на эту роль со стороны актеров, играющих зайцев.

— Когда же вы нас порадуете новыми приключениями Волка Зайца? У меня внуки смотрят. Ждут не дождутся.

— А никогда, — мрачно ответил Папанов, — никаких продолжений больше не будет. Мне Котючкин так и сказал. Фильм закрывают, потому что один из авторов сценария уехал в Израиль.

Уехавшим был Феликс Камов. Последний фильм, который мы делали с его участием, — 7-я серия. Та самая, морская, где Волка свалился «чумадан». Между прочим, когда я предложил сценаристам взять морскую тему меня в мыслях было, что они все родом из Одессы, знакомый для них антураж. Но затем, по ходу обсуждения темы, когда я им сказал, что вот, возьмете знакомый вам одесский порт, выяснилось, что они все трое — москвичи. Хай, потом смеялся: мы не из Одессы, но ты прав, мы все трое — евреи.

Это в нынешнее время все равно, кто куда уехал. А тогда отъезд Камова напрочь закрывал фильм. И неожиданным нашим спасителем оказался Волк, народный артист СССР Папанов.

Его ответ огорчил Подгорного. Просто ужас, как огорчил.

— Это невозможно, — заявил он. — Ни в коем случае нельзя вот так взять и оборвать фильм, полюбившийся народу. У меня не только внуки смотрят. Вся семья. И все мои товарищи смотрят «Ну, погоди!»... — голос Подгорного на этих словах построжал, — все мои товарищи...

А какие, спрашивается, товарищи были тут упомянуты, товарищем Подгорным? Следовало понимать, что здесь имелось в виду все Политбюро ЦК. Во всяком случае именно так понял эти слова Папанов. И присутствующее при вручении наград кинематографическое начальство тоже именно так истолковало высказывание Подгорного.

И стали мы делать дальше наше кино. Вот только на телевидении показывали первые серии, вырезав предварительно всех авторов сценария. Хотя следовало убрать только фамилию Камова. Но как это сделать? Вымарали всех разом. Но я не думаю, что так можно было процензурировать все копии, что находились по всей стране в прокате.

— А вы, часом, не охотник?

— Часом, охотник. Но не за зайцами, а за охотничьими колбасками.

— Не отразилась ли эта роль на вашем характере?

— Н-да... С одной стороны, действительно есть поговорка: «С волками жить — по-волчьи выть». С другой же, в Театре сатиры играем в основном отрицательные характеры, но от этого

К УРЛЯНДСКИЙ и Хайт, конечно, протестовали. И даже рассказывали...

я теперь знаю, что никакая фантазия еще не исчерпала тех возможностей, которые дает мультипликационное кино и художнику-мультипликатору, и артисту.

Когда Папанов был у меня в «Меже» Змеем Горынычем, он очень естественно вошел в мир русской сказки, никогда не нагнетающей кошмаров, от которых дети будут ночами не спать или видеть жуткие сны. И Папанову нравилось, что рисованный Горыныч может быть оснащен множеством эффектов, какими артист никогда не пользуется на сцене, надев облачение Горыныча и сделав соответствующий грим. У нас в мультипликации сколько захочешь нарисовать голову Змея, столько и нарисует. И не проблема, чтобы каждая голова вертелась и разговаривала по-своему, не так, как остальные. Огонь из каждой пасти — пожалуйста. И рыкнуть Папанов может, теперь уж это все знают...

Но как рыкнуть? Папанов в «Меже» грозился, как многоголовый Змей, однако рычал, как Горыныч. Что-то есть в этом крылатом чудовище, олицетворении зла и насилия, от лукавства русской сказки. И дело тут не в конкретном сценарии мультфильма, а в традиции. Горыныч звучит как отчество. В том-то и дело, что Змея величают в России по отчеству. Обращение к богатырю — не только Добрыня, но и Добрыня Никитич. К чудовищу — как к взрослому мужику — Змей Горыныч. А у нас в «Меже» солдат Кузьма обращается к нему — Трифон Гаврилыч.

Мне сейчас длинно пришлось перетолковывать то, что у Папанова выходило как бы само собой, когда он стоял у микрофона в студии звукозаписи, как на сцене, освещенной софитами. И тут к месту будет рассказать, как к нам приходил Анатолий Дмитриевич, с чего начинал.

Он приходил на студию в обычном пальто и кепке, оставлял верхнюю одежду на вешалке, мы дели на нем обыкновенный костюм, рубашку с галстуком. Конечно, так же он приходил и в свой Театр сатиры, на киностудию. Но там ему предстояло облачиться в другой костюм, сделать грим. Словом, то, что называется «вой-

ДУДНИК тем и был популярен на эстраде, что подражал голосам знаменитых артистов. Публика мгновенно догадывалась, кого он изображает — Крючкова, или Жарова, или Гарина. Закрой глаза — и можешь вообразить, что это они на сцене.

Но мне до сих пор кажется, что настоящего папановского Волка у нас в приключениях на стройке не получилось. В движениях — он. Его наши художники изучили до мелочи. А голос чуть-чуть не настоящий. Впрочем, это я, возможно, вдолбил себе тогда в голову и с тех пор не могу от этой мысли отделаться. Вижу на экране, как тяжеленная чугунная чушка, подвешенная на кране, бьет в стену дома, слышу, как при этом милый голосок Клавдии Шульженко мурлычет: «Любимый мой, родной...», а голос Волка, его рык мне опять напомним, что Анатолий Дмитриевич был тогда где-то далеко на гастролях...

То, что делал Папанов-Волк в фильме «Ну, погоди!», уникально еще и потому, что его роль состояла всего из нескольких слов. Как и у Клары Румяновой — Зайца. Но у Папанова каждая реплика стоила монолога. Кстати, я вполне мог бы записывать Папанова и Румянову отдельно. Их персонажи ведь друг с другом не беседуют. Только однажды они спели вдвоем песенку про Снегурочку. А так — только реплики, междометия, рык и писк. Но я старался записывать их непременно вместе. Чтобы Папанов и Румянова играли и друг для друга.

А как он умел импровизировать!.. В 8-й серии действие разворачивается в горах. Волк падает в расщелину. И орет оттуда свое знаменитое: «Ну, погоди!» Во всю глотку. Но в горах даже громкий голос может вызвать лавину. На Волка летит гора снега. И он, испугавшись, рычит потише: «Ну, заец...» А потом уж вообще шепотом: «Ну, заиц...»

Наверное, сегодня не каждому будет понятно, почему у Папанова «заец» сначала превращается в «заец», а потом и в «заиц». Но был в нашей отечественной истории и такой казус, когда при первом нашем реформаторе Хрущеве была затеяна и реформа русского язы-

нуть Волк в капитанской фуражке, в клеаше, тельняшке, все как полагается. После нескольких неудач Волк добирался до спящего себя в каюте Зайца. Сейчас он его спускает. И тут море разволновалось, суденышко качнуло, и на Волка падает с полки чемодан.

Уж тут художники-мультипликаторы дали волю своей фантазии. Чемодан у них раскрылся, весь превратился в разинутую пасть и начал гоняться за Волком. В сценарии Волк вопит: «Ну, чемодан, погоди!» А Папанов сделал по-своему: «Ну, чумадан...»

И в том, как он произносит это слово, в «чумадане», — вся биография нашего горемыки. Его образование, его среда, его неустроенная жизнь... Все причины, почему он из серии в серию гоняется за благополучным Зайцем. В самом конце он рванет на груди тельняшку и обнажит татуировку: «Ну, погоди!»

ВОТ я назвал Волка горемыкой, и значит, назвал очень существенную черту этого мультипликационного персонажа, которую почувствовал и Анатолий Дмитриевич, и все мы, рисовавшие Волка. Доверчивый он, в общем-то, волчара, хотя и хулиган. С этим персонажем, по мере нашей работы над новыми выпусками «Ну, погоди!», все время происходили перемены, как бы не зависящие от нас. Об этом я еще буду рассказывать дальше.

А сейчас еще о том, как работал Папанов. В 1-й серии Волк тонет, захлебывается, пускает пузыри. Для Папанова приготовили воду в стакане. Вполне достаточно, чтобы побулькивать. Но он сказал, что все надо делать с максимальной достоверностью, чтобы зрители поверили в реальность происходящего. Стакан с водой не годится, нужно ведро. Сбежали и принесли Анатолию Дмитриевичу полное ведро. И он так увлекся, что и воды нахлебался, и вымок с головы до ног. Зато был очень доволен.

О своей популярности среди юных зрителей он говорил по-разному. Даже пенял мне, что теперь мальчишки во дворе кричат ему вслед: «Ну, Волк, погоди!» Сегодня мне интересно перечи-

действительно есть поговорка: «С волками жить — по-волчьи выть». С другой же, в Театре сатиры играем в основном отрицательные характеры, но от этого сами вроде бы не очень портимся. Видно, положительный заряд в нас все-таки силен.

— Перевоплощаетесь ли вы в Волка целиком?

— Если бы перевоплощался полностью, то, наверное, киностудии уже не существовало бы...

— Какое место занимает эта работа среди ваших других работ?

— Я еще не расставил свои роли по полкам, но уже чувствую, что Волк — это не так-то просто... Например, на днях получил письмо, в котором ребята обещают моему Волку учиться только на «хорошо» и «отлично».

— Не переменились ли по отношению к вам дети?

— Как ни странно, теперь дети меня уважают больше. Наверное, потому, что до этого я сыграл Змея Горыныча.

...В 70-е годы Анатолию Дмитриевичу Папанову присвоили звание народного артиста СССР. Могу и точно назвать — в 1973 году. Как не запомнить, если у нас тогда начались большие неприятности.

Диплом народного артиста СССР Анатолию Дмитриевичу вручал тогдашний Председатель Президиума Верховного Совета Подгорный.

Анатолий Дмитриевич получил это высокое звание за то, что сыграл в театре и кино много прекрасных ролей. Он был незабываемым Василием Теркиным на сцене Театра сатиры. Сыграл в кино интеллигентнейшего врача, сыграл бандита в «Бриллиантовой руке». Папанов — это Серпилин в «Живых и мертвых», один из друзей фронтовиков в «Белорусском вокзале». Не самая его главная роль — Волк в мультипликационном фильме.

Но Подгорный при вручении диплома произнес самые похвальные слова про замечательную работу Папанова в фильме «Ну, погоди!». Очень хвалил фильм. И потом спросил заинтересованно:

всей стране в прокате.

КУРЛЯНДСКИЙ и Хайт, конечно, протестовали. И даже рассказывали у нас на «Союзмультфильме» что обращались с протестом к ЮНЕСКО. Но это уж похоже на выдумку. А фильм так и шел без титров.

Чтобы больше не возвращаться к этому, уточню, что с 8-го выпуска по 16-й я работал над фильмом по сценариям уже только двух авторов: Александра Курляндского и Александра Хайта. 17-й и 18-й выпуски «Ну, погоди!» были сделаны по сценариям Курляндского.

Свой 17-й выпуск «Ну, погоди!» я делал как юбилейный, к 25-летию фильма, и, начиная с этого фильма, со мной уже работает мой сын — художник-постановщик Алексей Котеночкин. Вторым режиссером стал Владимир Тарасов.

А голос Анатолия Дмитриевича Папанова на сбереженных Ритой Михеевой пленках зазвучал 17-й и 18-й сериях как живой. Новый текст был написан только для Зайца, для Клары Румяновой. В следующей главе я буду рассказывать о ней. Об актрисе не роль Зайца.

А здесь закончу словами глагокой признательности: в том, что персонаж мультипликационного фильма, начинавший свою кинематографическую жизнь мелкого бытового хулиганства, стал превращаться в любимого героя маленьких и взрослых зрителей, — во многом заслуга Анатолия Дмитриевича Папанова.

Но как, когда и почему это случилось? Ответ на эти вопросы ишу много лет.

Стого, пожалуй, дня, когда художественному совету «Союзмультфильма» был представлен впервые бравый Волк и тихоня-Зайца, полвающий цветочки на балконе.

Об этом дальше и пойдет разговор. После того, как я немного расскажу о Кларе Михайловне Румяновой.

От редакции: полностью во поминания знаменитого режисера под названием «Ну, Котеночкин, погоди!» выйдут в это году в издательстве «Алгоритм